



Лин Рина

Книжные
хроники
АНИМАНТ КРАМЬ



Freedom
Москва
2022

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
P51

Lin Rina
ANIMANT CRUMBS STAUBCHRONIK
Copyright © 2017 by Drachenmond Verlag GmbH
Published by arrangement with Ferly
Umschlagdesign: Marie Graßhoff
Bildmaterial: Shutterstock
Titelschrift, Widmung und Initialen: Lin Rina

Рина, Лин.

P51 Книжные хроники Анимант Крамб / Лин Рина ; [перевод с немецкого К. Москаленко]. — Москва : Эксмо, 2022. — 704 с. — (Young Adult. Немецкое магическое фэнтези).

ISBN 978-5-04-117957-1

Англия, 1890 год. Эпоха, в которой женщине из высшего общества негоже добиваться успеха наравне с мужчинами.

Тугие корсеты, балы и светские беседы – вот и все прелести девичьей жизни. Но юная Анимант обожает читать. На страницах книг она путешествует по свету, сочиняет мелодии, развязывает войну... Делает все то, чего была лишена из-за дурацких стереотипов.

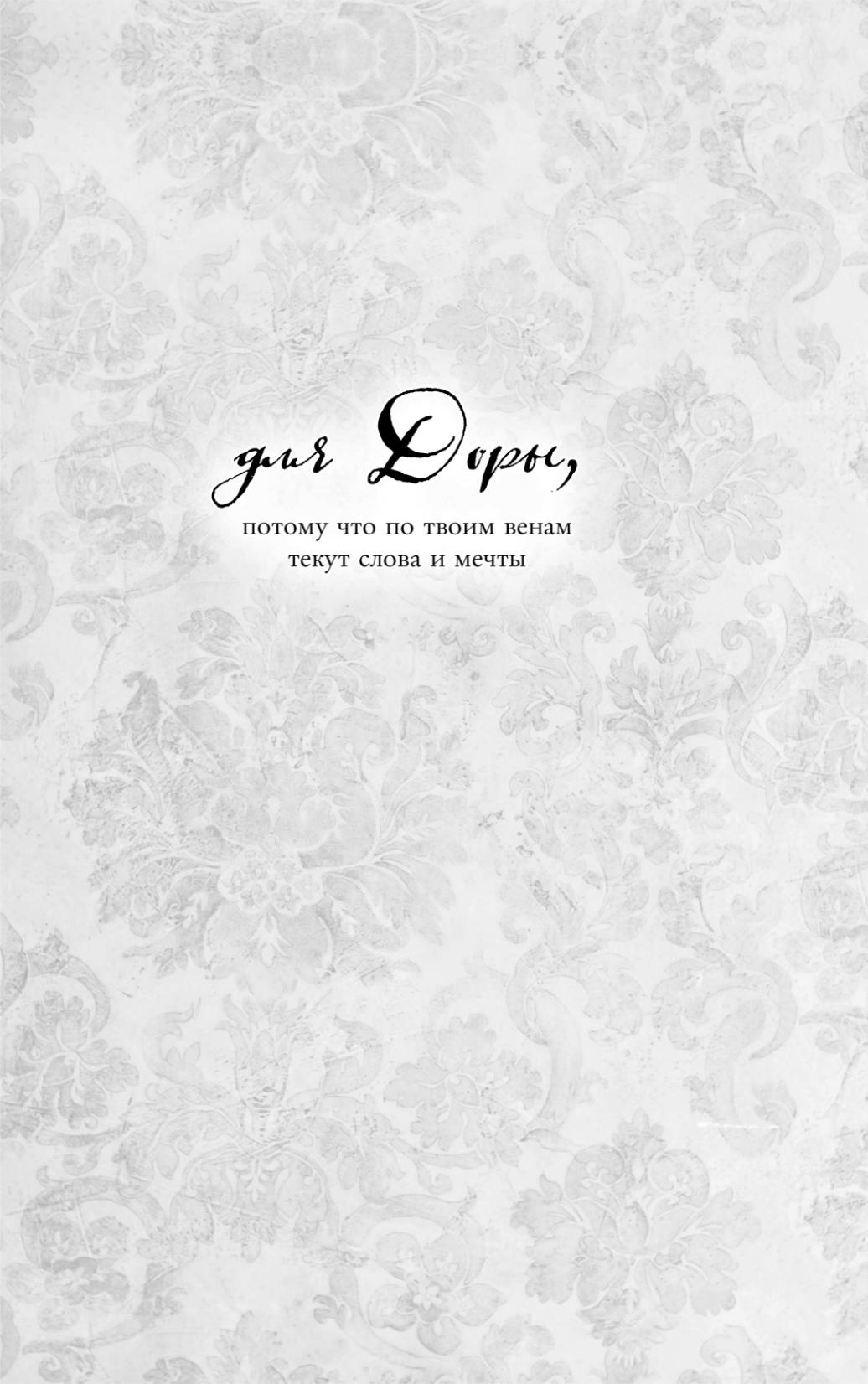
Однако у Анимант появляется отличный шанс проявить себя: месяц в Лондоне, где ее ждет мистер Рид – язвительный молодой человек, который ищет себе помощницу.

Анимант предстоит столкнуться со сложными задачами, узнать, какие тайны скрываются за дверями огромной библиотеки. И наверняка здесь девушка встретит любовь, о которой прежде знала лишь понаслышке. Вот только ей стоит прислушаться к собственному сердцу, чтобы не совершить непоправимую ошибку...

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

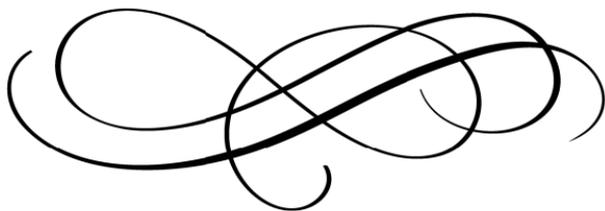
ISBN 978-5-04-117957-1

© Москаленко К., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022



для Дары,

ПОТОМУ ЧТО ПО ТВОИМ ВЕНАМ
ТЕКУТ СЛОВА И МЕЧТЫ



Пролог

Я мысленно проклинала маму, пока, прислонившись к мраморной колонне, любезно смеялась, мечтая, чтобы в словах моего собеседника было побольше смысла.

— Но белый медведь сказал: «Я барон Мюнхгаузен!» и затем откусил пингвину голову, — продолжал он, а я, к сожалению, выпила недостаточно пунша, чтобы делать вид, что его шутка смешная.

Он довольно красив, но его внешний вид такой нелепый. Что бы ни диктовала мода, мужчинам не стоит надевать сиреневые жилеты. Это выглядит очень странно.

— Вы совсем не смеетесь, — отметил он со свойственным ему остроумием, и мне захотелось вздохнуть от его наивности. Но не получилось, просто не хватило воздуха.

Мой корсет был настолько туго затянут, что я практически не могла дышать, а ноги просто подкашивались из-за недостаточного кровообращения.

Мэри-Энн так зашнуровала его, чтобы я влезла в это светло-голубое нечто, называемое вечерним платьем, которое мама купила в Лондоне, и выглядела привлекательно для сельских богатых холостяков.



Мама сказала, что такая шнуровка сейчас на пике моды в Лондоне и все молодые девушки щеголяют так. Но для меня это было невыносимо, и я боялась, что умру от недостатка кислорода, если отойду от окна.

Мне казалось совершенно бессмысленным подстраивать тело под одежду, а не одежду под тело.

Но что я понимала? Я была всего лишь ленивой, бесполезной девчонкой, от которой требовалось очаровывать молодых людей светло-голубой тафтой, чтобы они не обращали внимания на мой скверный характер.

Молодой человек по-прежнему выжидающе смотрел на меня.

— Эта история абсурдна, — начала я, намереваясь сделать именно то, что мама мне всегда говорила не делать. Стала его поучать. А молодым людям совершенно не нравилось, когда женщина, которую они хотели убедить в том, что она самая желанная партия в этом зале, знала это лучше, чем они сами. — Не упоминая того, что животные не могут говорить, хотя это простительно, поскольку это якобы шутка, но я не могу поверить, что белый медведь может сделать что-то подобное, — продолжила я, но меня резко прервали.

— Ну... думаю, что белый медведь достаточно сильный, чтоб откусить пингвину голову. Он же хищник, в конце концов, — высказался задетый моими словами молодой человек, которого звали то ли Хилтон, то ли Милтон, и упер руки в бока, чтобы скрыть свою неуверенность.

— Да, — ответила я. — Но не думаю, что он дошел бы с северного до южного полушария только для того, чтобы подискутировать с пингвином о шарообразном яйце.



Милтон, или Хилтон, весьма глуповато посмотрел на меня, а затем, к счастью для нас двоих, заметил знакомого. Он кратко представил нас друг другу, формально извинился передо мной и ушел.

Бедная деревенщина.

Когда я осталась одна, обвиняющий голос мамы в моей голове предупредил, что я проживу всю жизнь в одиночестве и зачахну от тоски.

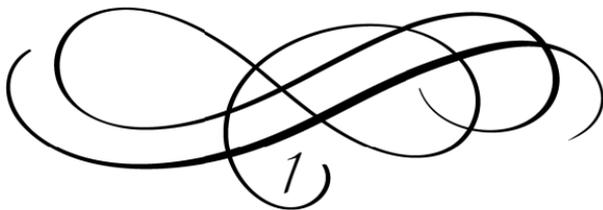
При этом я не была одинока. Она отправляла меня на бесконечные и скучные званые вечера и балы, на которых мне приходилось поддерживать только бессмысленные беседы. В основном с людьми, которые считали себя образованными, потому что когда-то посмотрели на обложку книги и теперь подшучивали над смущением других.

И это вместо того, чтобы сидеть дома в своем старом кресле и следить за мыслями блестящих умов. Мужчины уже были в моей жизни, и я наслаждалась каждым моментом, проведенным с ними. На страницах книг я расследовала преступления, используя технику сравнения отпечатков пальцев, которые у каждого человека были такими же уникальными, как снежинки. Я захватывала города, строя лошадь из дерева и прячась в ней. Следила за литературными дискуссиями, историческими изложениями, изучала человека, его разум и душу. Я путешествовала по миру за восемьдесят дней, училась строить самолеты, сочиняла мелодии, развязывала войну.

Но мама считала это глупостью. Вышивание, вот занятие для девушки моего класса.

Я вздохнула про себя.

Кто только так решил?



*Глава первая, в которой мой дядя
пришел в гости*

Она выставила его посмешищем, Чарльз! Бесцеремонно открыла рот и выдала свои заумные фразочки, — жаловалась мама отцу, на что я закатила глаза. Она всегда так драматизирует.

— Каждый раз, когда с ней разговаривает молодой человек, она все портит. Почему она не может помолчать, как все остальные девушки? — продолжала мама, и я могла представить, как она бежит по комнате туда-сюда, положив одну руку на грудь, а другой размахивает в воздухе. — Джулия Гудман, тихая девушка, и в семнадцать лет была уже помолвлена. Или старшая из сестер Бордли. Она знала, в какой момент лучше промолчать, и в восемнадцать лет вышла замуж! — Она глубоко вдохнула. Я, конечно, этого не слышала, но знала, что она это сделала.

Отец, напротив, вероятно, облокотился на камин или стол, молчал и задавался тем же вопросом, что и я: почему она всегда говорит о молчаливых девушках, но сама никогда не молчит.

— Твоя невоспитанная дочь сидит весь день на чердаке в старом кресле и запоем читает книги вме-



сто того, чтобы учиться правильно себя вести! — резко сказала она, и я представила, как отец хмурится.

— Ани знает, как себя вести, дорогая! — отец встал на мою защиту, и я рассмеялась.

Из-за онемевшей правой ноги я попыталась поменять позу, не отрывая уха от вентиляционной решетки камина, тянущейся от кухни через кабинет отца до чердака.

— И почему она тогда этого не делает? — воскликнула мама, и я тихо застонала, потому что знала, к чему все это приведет. — Ей уже девятнадцать, Чарльз. Девятнадцать! Постепенно я начинаю думать, что она попросту не может вести нормальную жизнь. Одни книги, книги, книги. И через пару лет она станет старой девой, которую никто не возьмет в жены, потому что все ее молодые годы прошли на старом грязном чердаке! — начала всхлипывать мама, и отец забормотал слова утешения.

Я подняла голову и ударилась затылком. Мама просто излишне беспокоилась о вещах, которые казались мне совершенно неважными. Она думала, что замужество и ведение хозяйства — это величайшее счастье каждой молодой девушки.

Но только не мое. И что с того, если у меня не будет мужа? Возможно, я не стану богатой, не обзаведусь каретой и не смогу каждые полгода обновлять гардероб, но открытые библиотеки были бесплатными, и там я буду определенно счастливее, чем рядом с глупым мужчиной в шикарном доме.

Я смахнула пыль с юбки, поправила блузку и убрала со лба прядь волос, выбившуюся из прически.

С тоской я взглянула на свое старое кресло, темно-зеленый бархат которого был немного потертым



на подлокотниках и которое моя мама убрала много лет назад, потому что оно казалось ей слишком потрепанным.

Но для меня оно было связано с хорошими воспоминаниями, как и книги.

Больше всего мне хотелось устроиться на его продавленных пружинах, открыть начатую книгу и просто забыть, что снаружи существуют мир, общество и мать-сваха.

Но Мэри-Энн позвала обедать, и мне пришлось отложить свое желание.

Громко протонав, я зажала тоненький роман под мышкой, приподняла подол юбки и спустилась по крутой лестнице на второй этаж.

Наш дом был больше, чем нужно. По крайней мере, мне так казалось. Я любила маленькие комнаты и стены, которые дарят чувство безопасности. Моя мама, наоборот, хотела простора, и ей не нравилось, когда какой-либо предмет мебели стоял не на своем месте, заставляя комнату выглядеть меньше.

Чтобы не помешать родителям и не быть услышанной, я тихо прокралась мимо кабинета отца, но в этот самый момент дверь открылась.

— Ани! — удивленно сказал отец, а мама поспешно прошла мимо него и, ухватив под руку, подтолкнула меня в холл с заговорщической улыбкой на губах. Меня привела в замешательство эта внезапная смена настроения. Разве она не плакала и не злилась на меня совсем недавно?

— Ты не угадаешь, кто сегодня заходил к нам. Он притворился, что пришел к твоему отцу, но я уверена, что он был здесь из-за тебя, — прошептала мама, и я сразу поняла, о ком идет речь. Джордж Михелс.



Мамин новый кандидат в мужья. Впрочем, это все равно было безнадежно.

— О, и кто же это был? Неужели мистер Михелс! — воскликнула я чересчур восторженно, и мамина ухмылка пропала с лица. Если за годы, проведенные со мной в качестве дочери, она чему-то и научилась, так это распознавать иронию.

— Анимант! Верить или нет, но этот мужчина может стать *твоим*, и ты будешь жить в достатке, — сказала она, неодобрительно нахмурив брови.

Я прикусила нижнюю губу, чтобы сдержать смех. Мистер Михелс был хорошим парнем, но таким же умным, как кусок хлеба, и при этом настолько неуклюжим, что регулярно запинаясь о собственные ноги.

— Он ковыряется в носу, когда ему кажется, что никто не смотрит, — сказала я, пока мы спускались на первый этаж. И я это не выдумала.

— Анимант! — возмутилась мама, а отец фыркнул, но взял себя в руки, как только мама резко посмотрела на него.

— Он хорошо выглядит и зарабатывает три тысячи фунтов в год. Не нужно быть такими язвительными, — упрекнула она нас, убрала руку и прошла последние ступеньки в одиночестве, прежде чем исчезнуть в гостиной. Края ее подъюбника зашелестели, аккомпанируя гневному уходу, что должно было показать нам, насколько невежественными мы выглядели в ее глазах.

Я только пожала плечами, а отец усмехнулся. Хотя он и не считал, что юной леди подобает оставаться одинокой, все же время от времени потешался над безуспешными попытками моей мамы всеми



силами заставить меня приобщиться к мужскому миру.

Он был убежден, что однажды это настигнет меня, и, как и сердце любой другой юной девушки, мое растает для какого-нибудь молодого человека, который будет искать моего общества.

Пока что мне не хватает стимула, сказал он как-то маме, на что я, стоя у печной трубы, только покачала головой. Я не могла себе представить, каким должен быть этот стимул.

Точно не деньги. Конечно, я не знаю, каково быть по-настоящему бедной, но даже без мужа мое наследство обеспечило бы меня до глубокой старости. Если только пневмония не настигнет меня раньше.

И не социальный статус. Мне не нравились общественные мероприятия, званые вечера, балы и тем более благородное позерство дворян. Меня не интересовали титулы или интриги высшего общества, где я чувствовала себя не в своей тарелке.

Единственное, что оставалось для меня загадкой, — это любовь. Я читала о ней, следила за витиеватой необузданностью и пульсирующими сердцами в стихах и рассказах, но не понимала ее. Разве возможно найти человека, который являлся бы твоей родственной душой? На планете миллионы людей, и какова вероятность встретить предназначенного только тебе?

Мама утверждала, что, если захотеть, можно стать счастливой с любым мужчиной. Но, видимо, мне не очень этого хотелось, потому что я не могла представить, чтобы хоть с кем-то из ее кандидатов смогла бы притворяться заинтересованной в разговоре более получаса.